

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 88—100.

Economic and Social Research. 2022. No 3 (35). P. 88—100.

Научная статья

УДК 16 + 001

doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-88-100

Безмозглость и мозг

Г. В. Лобастов

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

lobastov.g.v@yandex.ru

Аннотация. Автор сталкивает странности ученого мышления с философским анализом проблемы взаимосвязи души и тела, восходящей к философской классике, обосновывая необходимость методологической рефлексии любой формы научной деятельности. Этот подход исключает не критичное отношение к материалу и методам исследования и требует понимания познавательной деятельности в контексте исторически развивавшейся культуры мышления. На основе анализа указанной проблемы автор — с позиций критики — анализирует странности ученого ума. Явно позитивистская позиция такого рода ума, укоренившаяся в науке, представляет такие картины мышления, что взгляд из классики чувствует себя смущенным, чем объясняются некоторые элементы стилистики этой статьи.

Ключевые слова: метод, диалектика, истина, мозг, мышление, орган и функция, часть и целое, душа и тело, человеческая психика, тождество, противоречие

Для цитирования: Лобастов Г. В. Безмозглость и мозг // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 88—100. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-88-100>

Original article

The brainlessness and the brain

G. V. Lobastov

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

lobastov.g.v@yandex.ru

Abstract. The author makes collide the oddities of academic thinking with philosophical analysis of soul-body interrelation problem traced back to philosophical classics, justifying the necessity of methodological reflexivity of any form of scientific activities. This approach excludes noncritical attitude towards research material and methods and requires cognitive work understanding in the scope of historically developing principles of thinking. Based on the analysis of the mentioned problem, the author — through the lens of criticism — analyses the oddities of

academic mind. Obviously positivistic attitude of this kind of mind, engrained in science, presents such pictures of thinking that classical vision feels embarrassed; some elements of this article's stylistics are due to that.

Keywords: method, dialectic, truth, brain, thinking, organ and function, part and whole, soul and body, human psyche, identity, contradiction

For citation: Lobastov G. V. The brainlessness and the brain. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 88—100. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-88-100>

Эпизодически в научных кругах появляется странный интерес к мозгам: сегодня можно услышать, что изучение мозга — это приоритетное направление научных исследований. Причем речь идет не о физиологии высшей нервной деятельности и не о медицине, а о науках вроде нейролингвистики и даже педагогики. Но не о практическом ее аспекте, где специалисты хорошо понимают, что от «мозгов» педагогов практическая деятельность никак не зависит: детишки должны изучать математику без того, чтобы заглядывать педагогам под черепную коробку. Но педагоги пытаются обосновать и оправдывать свои действия своими «мозгами», например: «Мы живем в мире, где доминирует левое полушарие, где правят слова, расчет и логика, а творческий, интуитивный, эмоциональный и артистический аспекты нашей природы часто находятся в подчиненном положении. Для многих из нас использование возможностей правого полушария является затруднительным» [1, с. 125]. Тому, кто понимает, что такое *слова и логика*, якобы доминирующие в современном мире, ясно, что авторы приведенной цитаты имеют некоторые затруднения именно с «левым полушарием».

Что с этим левым полушарием надо сделать, чтобы поумнеть логикой? Боксер, у которого не идет левый хук, торопится в спортивный зал и отрабатывает этот удар, — хорошо зная, что за него ответственна левая рука и даже вполне определенные мышцы, для тренировки которых тренер придумает специальные упражнения. Но умный тренер

понимает больше: он понимает, что перед тренировками совместно с боксером необходимо изучать тактику противника и вместе выстроить стратегию поведения на ринге, в которой левая рука должна быть умелой и сильной, а мозг не должен мешать работе руки (он должен быть бесконечно-пластичным и лишь обеспечивать все возможные действия боксера).

Но если с головой что-то не в порядке, то хорошо провести бой нельзя. Наши доктора психологических наук — и даже заслуженные деятели этой науки — это обстоятельство как раз хорошо понимают, понимают, что без головы дело не обходится не только на ринге, но и в настоящих боях, что идут по всему миру: везде необходимо мышление, то бишь логика, и даже слова. Они пишут: «В течение нескольких десятилетий проводилась огромная исследовательская работа в области, которая теперь называется теорией доминантного полушария. Исследования показали, что каждое полушарие мозга — левое и правое — выполняет разные функции, обрабатывает информацию различного типа и имеет дело с проблемами разного рода» [1, с. 124]. Уважаемые профессора, похоже, в то время еще не знали ничего о «чуде» цифровизации, иначе, без сомнения, в погоне за научной осведомленностью обогатили бы наше сознание анализами, впечатляющими, пожалуй, не менее архитектоники мозга: физиология мозга давно открыла нам факт наличия различных зон в коре головного мозга человека, обеспечивающих те или иные функции психической

деятельности (зрительные, речевые, слуховые и т. д.), а медицина уже давно при восстановлении нарушенных функций психики на это обстоятельство опирается.

Так спортивный тренер опирается на знание анатомии руки при формировании навыка того или иного движения. Но, слава богу, музыкальной педагогике не приходит в голову рекомендовать практическим педагогам заглядывать в слуховые зоны мозга. Такое умолчание как бы свидетельствует о понимании того, что с природной определенностью много чего тут сделать нельзя, кроме как изуродовать — посредством ли скальпеля, неких медикаментозных химических средств и т. п. Поэтому она (воплощенная в конкретных людях педагогика) даже не ставит в качестве серьезной цели формирование слуха, а просто ездит по стране и ищет абсолютный слух, ибо знает свою неспособность его формировать, а эту неспособность оправдывает естественно-природной определенностью музыкального слуха. Со ссылкой на огромную историческую фактологию. Также ссылаются на опыт усекновения голов, «доказывающий» наличие в этих головах сознания, ибо вместе с головами отсекаются и все прочие функции субъективности (ампутация левой руки лишает боксера возможности провести джеб).

«Теория доминантного полушария», — пишут умные ученые, — детализирует столь общее представление о месте сознания в голове и утверждает, «что левое полушарие в основном отвечает за логически-вербальную деятельность, а правое — за интуитивно-творческую. Левое оперирует словами, правое — образами; левое имеет дело с частями и особенностями, правое — с целым и связями между отдельными частями. Левое полушарие связано с анализом, то есть делением на составляющие, правое — с синтезом, то есть со сведением частей в единое целое. Левое отвечает за последовательное мышление; правое — за синхронное, одновременное, когда объект воспринимается

как единое целое. Левое полушарие привязано ко времени, правое — свободно от временной зависимости» [1, с. 125]. Обученные такими «маститыми» профессорами психологии юные студенты объясняют мне, что любовь — штука биохимическая. Кажется, Лев Гумилев до такого не дошел, ища основания человеческого бытия в «геобиохимической» энергии, но эта традиция полумного мышления все больше и больше нагромождает в растоптанных образованиях мозга удивительные образы (как сон разума рождает чудовищ). В этом — природа самоуверенной образованности. Однако такой профессуре, если на эту проблему посмотреть глазами Фрейда, похоже, даже сублимировать уже нечего. Вакуум и черная дыра в глазах и муть в левом полушарии, доисторическое повреждение генотипа... Что удивительного в том, что недоученная ученость почти поголовно лезет к богу? Эта публика явно училась не для того, чтобы научиться нечто постигать, она хорошо, с «доисторических» времен, усвоила, что смысл ее бытия есть «биохимия тела», и место ее — от столовой до туалета, потому эти места и украшают серебром и золотом. Ну а тут, в этом узком пространстве, разве возникнет иное, нежели биохимическое, толкование любви?

Во всем этом — стихийный позитивизм, а позитивизм как сознательное умонастроение неминуемо заканчивается богом. Но умонастроение это возникает из полного безбожия, из прагматизма естественно-научного знания, из его принципов и форм, из его логики. Из попытки очистить себя от всяческих домислов, из задачи выстроить знание как строго-объективную картину мира. Отсутствие серьезной критической рефлексии, прямое отрицание философии заканчивается выстраиванием философии здравого смысла. Немудрено, что такая философия будет искать своего дополнения в нравственных исканиях и в прямых обращениях к богу. Иначе как впишешь себя в создаваемую объективистскую картину мира?

Конечно, все это порождает не только вопрос о природе сознания, но и о науке вообще, о ее критериях. И если мы не забудем, что любое научное исследование направлено на поиски истины, то философское невежество здесь становится на одну почву с обскурантизмом, ибо мы не найдем ни одной позиции в мире, которая не заявляла бы о своей истинности. Проблема истины — это центральная проблема философии, и сколь сложен исторический путь обоснования пути к истине, знает тот, кто в историю философии входил и вместе с великими умами выстраивал свое мышление, сомневающееся в самом себе, но и обосновывающее само себя. Иначе хаос случайностей, иначе «число эмпирических фактов будет расти каждую минуту, и мы не будем знать, что с этим количеством делать», как говорила говорливая ученая дама Татьяна Черниговская. Рефлексия тупиков науки всегда оборачивается философским анализом логики познания, в этом нам слышится явная интенция выйти за рамки той парадигмы, в которой сознательно или бессознательно сидит все научное сообщество, занимающееся нейронауками.

Попробую кратко обозначить контуры философско-логического обоснования самой проблемы, содержащейся во всех этих разворах, и ее общетеоретическое решение.

* * *

Тема эта, на первый взгляд как будто бы отвлеченно-научная, относящаяся к физиологии и психологии, имеет, однако, непосредственно практическое значение. Наука все-таки чему-то научает людей: в первую очередь теоретически и практически обращаться со своим предметом. Но будучи требовательной к себе, к строго обоснованной форме выражения всеобщих и необходимых определений предмета, она одновременно должна быть строга и в отношении своих методологических принципов. Школа не учит непосредственно логическому мышлению, но в форме разворачивания ее предметно-

дисциплинарного содержания так или иначе заключена логика. Эта логика в какой-то мере и воспроизводит логику научного познания, и сознательно выстраивается дисциплинарной наукой и педагогическим мышлением. Эта же логика воспроизводится и в умах ученых, которые потом ставят и решают научные проблемы. Не освоившая методологической глубины ученая публика себя не видит и вещает то, что ей *кажется*. Даже истина, если она содержится в распространяемом знании, начинает зависеть от способа работы со знанием. Поэтому ничего удивительного нет, если начинают искать зависимости между клетками мозга и смысловыми структурами языка, мышления, личностного поведения и т. п.

Познающая мысль, очищая свой предмет от привходящих обстоятельств, обнаруживает как новые характеристики самого предмета исследования, так и устойчивые формы его связи с этими самыми привходящими обстоятельствами. Здесь расширяется и меняется сам предмет науки и возникают новые автономные области научных исследований — этот процесс давно называют возникновением наук на стыке наук. Так возникли психофизиология, нейропсихология, нейролингвистика и сонм других отраслей, перечислять которые не имеет смысла, поскольку нас интересует вполне определенная область исследований, связанная с работой мозга и тех психических функций, которые от его деятельности неотделимы, как неотделимо движение руки от деятельности мышц. Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Рассмотренный непосредственно и сам по себе глаз мог бы воспринимать только границы между различными цветовыми пятнами, а не очертания различных предметов. К определению последних можно прийти либо с помощью осязающей, ощупывающей пространственное тело руки, либо через движение, при котором один предмет отделяется от другого» (цит. по: [2, с. 10]).

В начале 60-х годов XX века экспериментальной психологией было установлено, что

зрение заключается вовсе не в том, что глаз обводит контуры предметов, — зрачки глаз совершают странные, поначалу кажущиеся хаотичными, скачки. Максимумы внимания приходится на смысловые центры изображения. Было установлено, что движения глаз отражают работу мысли. Но было бы лучше сказать, что в движении глаза осуществляется мысль, поскольку глаз работает по той же логике, которая присуща сознательному движению тела во внешнем пространстве. Здесь глаз (взгляд) движется по объективным контурам пространства, и любое его искривление создает этому движению препятствие и потому специфическую проблему: «Ты ведь знаешь, что зрение по своей собственной природе не различает, но сплошно (in globo) и слитно воспринимает некоторое препятствие, когда оно мешает ему в сфере его движения, то есть в глазу; это препятствие возникает оттого, что объект посылает в глаз множество образов (specierum). И вот, если глаз обладает зрением без различения, как у детей, у которых еще нет навыка к различению, то, значит, различение, при помощи которого зрение разбирается в цветах, привходит в зрение; и вот таким же образом ум привходит в душу, способную к ощущению. И подобно тому как зрительное различение имеется у совершенных животных — например, у собак, различающих своего хозяина по виду, — и оно дано зрению богом как совершенство и форма этого зрения, точно так же человеческой природе сверх этой имеющейся у животных способности различения дана более высокая способность, относящаяся к силе различения у животных так же, как эта последняя относится к способности ощущений, так что ум оказывается для души формой различения и ее совершенством» [6, с. 401—402]. Сколь бы странной и малопонятной ни показалась эта мысль из средних веков, школа таких мыслителей корректирует безмозглость ума. В такую школу следовало бы сходиться нашим профессорам, выстраивающим свое левое полуша-

рие распространенной примитивностью «современного» ума.

С логико-методологической точки зрения, работа глаза легко объясняется категорией *противоречия*: только тогда, когда глаз попадает в затруднительное положение в движении взгляда, он начинает осуществлять поиск объективных характеристик, позволяющих ему разрешить проблемность своего движения, попадающего в условия изменения своей траектории. Одновременно это движение направляется признаками, имеющими значение для субъективной потребности: движение глаза отражает, с одной стороны, объективные *чувственные* свойства предмета восприятия, а с другой, *смысловое* поле воспринимающего субъекта. Это противоречие восприятия не замкнуто только в контуры внешне-предметных особенностей, задающих проблему для воспринимающего глаза, — оно оказывается и способом восприятия смысловой стороны предмета: восприятие, с одной стороны, диктуется внешней чувственной характеристикой предмета восприятия, а с другой, смысловым пространством субъекта, сложившимся в результате его культурного опыта.

Следует заметить одно методологическое обстоятельство: любая наука, исследующая свою предметную область, рассматривает все явления этой области из некоторого единого основания, способного выразить и удержать единство этой сферы. Поэтому для физиолога, например, зрение и речь вполне естественно мыслятся продуктами деятельности мозга. Но только по осуществлению функции, а не по ее абстрактно-отвлеченной природе, — не зрение и речь как познавательные процессы. Как исследование мышечной системы руки показывает мне функциональные возможности самой руки, а что делает рука, — это не дело физиологии. Мозг здесь рассматривается не как орган в движении более сложной системы, нежели нейрофизиологическая, а как некая самодовлеющая субстанция, как основание этого движения.

Поэтому точка зрения нейрофизиолога может принципиально не совпадать с точкой зрения философа и психолога, и спорить здесь не имеет смысла. Гораздо важнее понять, что физиология по-другому на свой предмет и не может смотреть, иначе она потеряет специфический характер своего предмета, его определенность внутри себя и целостность, т. е. потеряет свой собственный предмет изучения. По большому счету, конечно, ясно, что это — *квазисамостоятельность*, некая абстрактная определенность биологической формы движения материи. Она, эта особая определенность, обособляется научной мыслью и конституируется как особый предмет вместе с научными средствами ее исследования. Поэтому-то понятия одной науки могут и должны применяться только в сфере данной науки, а за ее пределами их применимость граничит с заблуждением.

Но, надо сказать, если исследуется отношение между двумя «элементами», то определение одного из них как исходного и определяющего не так легко установить. Отношение *органа и его функции* уже давно банально-избитая тема, и уже давно понятно, что орган — он и есть орган и принадлежит тому, чьим органом он является. Потому он никак не субстанция, самостоятельная в себе и собой определяющая свое бытие, свои действия-функции. Орган, если он не выполняет некоторую функцию в системе целого, не есть собственно орган — он мыслим только вместе со своей функцией. Если эту функцию мышлением обособить и рассматривать саму по себе, то нельзя не натолкнуться на вопрос ее, функции, смысла, точнее, на вопрос, что, какую задачу она *выполняет*, и кто (что) ее в этой задаче *определяет*. Вот тут и возникает достаточно схоластичный вопрос: что является определяющим — орган или его функция. Орган осуществляет функцию, и определенность функции есть и определенность органа. Как и наоборот, определенность органа есть определенность функции. В этом

отвлеченном рассмотрении и орган и функция выглядят в своих определениях тождественными, определенность одного есть такая же определенность другого. Детальное изучение отношений между «элементами» этих двух сторон: органа и функции, — и начинают, натолкнувшись на это соответствие.

Поэтому заблуждением является утверждение, что все психические функции являются продуктами мозговой деятельности. Увидеть это заблуждение можно только тогда, когда будет понята действительная природа психической деятельности, когда откроется факт, что психическая функция не есть продукт мозга, когда будет понята и то, что в деятельности тела осуществляется нечто иное, чем само это тело: нечто идеальное, ближайшим образом — душа. Но здесь мы попадаем в тот же круг, что и в отношении органа и функции. Только, разумеется, отношение души и тела выражается в других понятиях. Душа — это (тут требуется напряжение диалектической мысли) отношение тела к самому себе, рефлексия активной формы самосохранения своей способности быть, атрибутивная способность живого вообще. Нет активной формы самосохранения — нет живого.

Эту форму вы не найдете через анализ сколь угодно сложной функции, осуществляемой неким одним телесным органом. Душа — это форма-функция синтетической целостности организма, иначе говоря, определенно организованного тела. Тело живет особым синтезом функциональной деятельности каждого необходимого органа в целостность. Если нет этого синтеза нормально-здоровой биолого-физиологической деятельности всех органов, жизнь прекращается, прекращается способность самосохранения. Пуля попадает в душу, попадая в необходимый для самосохранения тела орган. Живая душа, душа живого, не имеет в себе ничего, что выводило бы ее за рамки тела: иного содержания она в своей активной деятельности не имеет. Она «знает» и чувствует

только тело, иначе говоря, она и есть отношение тела к самому себе.

Самый сложный момент в понимании души заключается в обособлении рефлексивной функции от того, рефлексия чего происходит. Саморефлексия тела — это функция души, она обеспечивается функциями всех органов организма, которые остаются «слепыми» к целому, — к целому, не сводимому к совокупности своих частей, определяющему место каждой функции, — это душа, форма целостности. Активное отношение тела к самому себе. Что и дается внешнему наблюдению и получает имя души.

Активность целого, органической целостности, мобильна и вездесуща в пространстве целого, граница которого прочерчивается всеобщностью и необходимостью определений синтетической функции различаемых функций органов тела. Объективно противопоставившая себя каждой отдельной функции органической жизни, душа, целое, форма синтетической силы, абсолютно бесознательна в абстрактной живой форме, но остается именно живой, подвижной, активной, и вы можете ее наблюдать в любом месте тела — там, где ей есть дело.

Физиология, психология и философия веками спорят, где размещается душа. Любопытнее всего тут то, что сама эта душа, некий объективный феномен, поражающий некоей обособленностью от тела, наполняется дикими представлениями первобытного разума, еще не знающими разумной формы. Увидев различие души и тела, но не обнаружив в их природе их единства и тождества, не увидев целого как такового в его натурально-эмпирическом облике, что ученый, что поппазируют от ужаса перед некоей «вселенской» силой. Как только просыпается способность рефлексии мышлением себя, своей общественной природы, эта описанная ситуация отношения души и тела, конечно же, сразу начинает толковаться как идеализм, ибо за составом телесного движения мыслится только некий дух, сознание. Ясно, что

эта позиция является и откровенно религиозной.

Если теоретическое мышление не может показать свое собственное происхождение и объективную форму своего бытия, то оно впадает либо в дуализм, который так или иначе завершается богом, либо в плоский позитивизм, который заканчивается тем же самым. Отрицая объективность мышления, позитивизм, однако, ищет его проявления в «онтологии», в бытии, — и находит, конечно же, в мозге. Или в генах. Или в языке. Потому и анализ мышления производится им внутри анализа этих чувственно данных форм. Здесь позитивизм исходит из тождества противоположностей (не допуская, разумеется, такого выражения), тождества мозговой деятельности и деятельности мышления. Жизнь психики — это проявление жизни мозга, деятельность мозга — это деятельность мышления. Поэтому исследовать ее — это описать мозговую деятельность. Это, конечно, странно, что мысль науки проходит мимо исторически выработанной мыслительной культуры, в которой категория тождества проработана до ее внутреннего противоречия, в которой противоречащие определения оборачиваются их тождеством. Конечно, понять это сложнее, чем, попав в тупик, обратиться к богу.

Человеческое тело — от пятки до мозга — действует согласно некоему единому смыслу. Если я не понимаю, откуда вырастает смысл, какова его природа, то я возвращаюсь к тем же самым вопросам обыденного сознания, выраженного в позитивизме, к поискам единого основания всей сознательно-психической жизни человека. Но если пойму природу смысла, то тем самым пойму и действия человеческого тела. Таким образом, становится ясно, что рассмотрение действия любого отдельного органа в его специализированной функции есть *абстракция*, логическая законность которой обосновывается способностью этой функции к относительно самостоятельному действию. Иначе говоря,

функция способна обособляться (абстрагироваться) *объективно*, и наука обязана показать вместе с анализом внутренней формы движения этой функции *природу* этого обособления, внешние и внутренние *условия* этого процесса. Еще иначе: функция возникает и становится самостоятельной, когда она начинает воспроизводиться при наличии ее *собственных необходимых условий*. Глаз видит и тогда, когда смыслом субъекта его деятельность не положена.

Функция органа в абстракции от ее смысла (положена ли она душой организма или душой человеческого бытия), — эта обесмысленная абстракцией функция гаснет. Медицина учится длить ее отвлеченное от тела бытие. Функция здесь полностью совпадает с деятельностью органа, обесмысленная она становится тождественной жизни органа, — это тот абстрактный момент, который позитивизм изучает как тождество мозговой физиологии и логического мышления. Мышления, которое обесмыслено, которое потеряло, утратило то, *что* оно мыслит. Деятельность мозга как биологического органа гаснет как орган мышления, но остается органом тела, особым органом жизни души, или, что то же самое, жизни тела. Будете там искать нечто, относящееся к внешней мыслимой действительности, — найдете только бред, сновидение, инерциально сохраняющие себя образы. Уберите (экспериментально-насильственным образом) внешний мир, исключите условие смысла функционирования глаза и уха (в тифлосурдо-камере — в полной тишине и полной темноте при температуре тела организма), — и жизнь соответствующих функций погаснет: телесность не нуждается в их бытии.

Надо заметить в этой связи, что самостоятельная работа органов чувств, организованная человеческой культурой, доставляет массу проблем психологии, пытающейся понять состав, содержание и смысл бессознательного. Психология тут необходимо наталкивается на обсуждаемые здесь

проблемы, проблемы взаимосвязи психической жизни и жизни мозговой деятельности. Без философско-логического анализа «возникновение» увлекательных фантазий становится неминуемым: откуда в составе субъективности то, что обнаруживается в формах культурного поведения под образом объективных необъяснимых явлений: от чуда «одаренности» до пронзительных вещаний Ванги, от безумства до гениальности.

Совершенно определенно можно сказать, что и деятельность мозга, и психическая деятельность в своей человеческой модальности имеют *единое* основание. Оно заключено в культурно-практической деятельности общественного человека: на этой основе развивается и речь, и культура зрительного восприятия, и вообще все психические функции. Как и органы этих функций. Сама нейропсихология понимает, что возможности (потенциальные способности) мозга прорастают на почве активного взаимодействия индивида с внешним миром. Американский физиолог М. Газзанига указывает на мозг как систему, способную легко обучаться после *единственной* попытки. Вот эта единственность попытки и делает трудноуловимой проблему отношения психики к мозгу: все, что вынужден осуществлять мозг, становится его воспроизводимой способностью. Поэтому все, что я с ним делаю в эксперименте, я нахожу как его существующую от природы способность. И истолковать «присвоенное мозгом» как исходное — обычное заблуждение, основанное на методологической предпосылке о способности мозга порождать жизнь психики. Отделить привнесенное от, как бы сказал философ, в-себе-бытия вещи, составляет нелегкий труд. По своим возможностям мозг настолько «тонкая» материя, что в ней, как в зеркале, вы всегда видите себя, свое действие, которое для вас даже как действие и не существует: зеркало не требует от вас действий, чтобы показать вам ваше лицо. В зеркале есть все, что попадает в сферу его оптики. Не потому ли диву дивятся своим не

очень развитым умом «диву прорастания» души ребенка?

Все, что объективно доступно органам чувств (вынесенным вовне органам мозга, ставшими органами человека), становится способностью мозга. Этим мозг и отличается от зеркала: сохраняя способность отражать, мозг любое «заглядывание» в него сохраняет. Он, иначе говоря, в отличие от зеркала, не является безразличным к действиям тела, органом которого является. Поэтому принять ли в качестве первичного внешнее воздействие (специфическое, через нейрофизиологию осуществляющееся) на мозг или его естественно-природную способность, которые *процессуально во времени* неразличимы, становится делом не простым, даже вообще неосуществимым без философского, повторю, анализа. Здесь требуется привлечь к анализу такие факты, которые обнажают для исследователя объективное различие мозговой деятельности и деятельности организма — факты отношения своей телесной деятельности внутри смыслового пространства культурно-исторической действительности — к формам ее, действительности, осуществления себя. Это обстоятельство выводит нас за рамки нейрофизиологии, нейропсихологии, нейролингвистики и т. д., требуя их понять как науки, исследующие абстрактно-отвлеченные формы, взаимосвязанные внутри определенной целостной организации бытия. Выявляя эти связи, указанные науки принципиально не способны в своих понятиях объяснить природу того целого, абстрактно-отвлеченными формами которого они занимаются, того целого, которое обладает устойчивым моментом абсолютности в содержании своего объективного бытия.

Если функцией глаза является создание и удержание зрительного образа предмета, то из этого, никем, кажется, не отрицаемого, факта вырастает проблема *определенности* этого образа. Если эта функция в самом деле обеспечивает образ предмета, то образ пред-

мета определяется самим предметом, вынуждает функцию глаза (восприятие) воспроизводить пространственно-содержательные свои характеристики. Ибо если зрительный образ предмета определяет не предмет, то это и не есть образ этого предмета, а, скажем, проявленная в форме этого образа схема деятельности глаза и лежащего за ним мозга либо любой бред и галлюцинация.

Такая позиция в науке, как известно, имеет место. Эта позиция, разумеется, выходит за пределы отношения функции и органа чувственного восприятия, а распространяется на все деятельные способности индивида, которые и начинают пониматься как функции, порожденные органами телесности. Потому проблемы (и науки) множатся: ведь, скажем, психоллингвистика возникает из такой особенной формы отношения органа и функции, как отношение нейромозговой деятельности и языка. Разумеется, здесь есть поле исследования, поскольку есть необходимость определить локализацию в структурах органа (мозга) тех или иных определенных содержательных функций: зрительные зоны расположены не там, где слуховые, речевые и т. д. Подобно тому, как изучая механику руки, я определяю мышцы, ответственные за те или иные движения, чтобы потом, в практике бытия, понимать, *что* в органе надо формировать или восстанавливать, — чтобы восстановить и формировать требуемое нормами бытия действие, и, наоборот, что сегодняшней медицине давно известно, какую *функцию* надо восстановить, чтобы восстановить работу органа.

С рукой дело кажется элементарным, но с мозгом... и умные люди впадают в бред, поскольку ум умных не достигает разума, а мозг — орган, почти очевидно, многократно сложнее, чем рука. Подвижность мозговых процессов не позволяет при простом сопоставлении мозга и руки увидеть в работе того и другого единый принцип, единую основу организации их деятельности. Кажалось бы, ясным должно быть одно: ни деятельность

мозга, ни деятельность руки нельзя вычитать из них самих: не рука задает определенность движения, не мозг определяет свою функцию. Хотя, как понятно, без мышечной деятельности не будет никакого движения, без мозговой деятельности — ни одной психической функции. Но движение руки, как процесс *временной*, воссоздает и заключает в себе внешний *пространственный* контур (форму) предмета, но несет в себе его активный культурно-исторический образ.

Это обстоятельство должно быть выражено точнее: реальное движение руки определено предметом, движение руки есть развернутая форма предмета. Объективные определения реального предмета есть одновременно субъективные определения формы движения руки. Субъективное и объективное тождественны, а почему их единство распадается, для диалектического мышления объяснить это проблем нет. Но наука, не допускающая тождества бытия и мышления, не умеет поставить «правильный» вопрос о единстве субъективного и объективного. В этом — проблема эмпиризма вообще.

«Руки и ноги — вот первый орган *психической* деятельности. Способ — образ — их действий *и есть* первый *образ*, в составе коего форма пути и активно проделываемая траектория этого пути — суть *одно и то же*. Это геометрическая фигура, ставшая фигурой действий, их схемой. Форма вещи — вне вещи, в теле субъекта, как схема его активного перемещения. Она тем самым не “в мозгу”, — в мозгу лишь управляющий движением тела нервный механизм. Мозг — часть тела, а не “мыслящее тело”, каким он может показаться, когда психическая деятельность развита до ее рафинированных форм, — до способности заранее, до реального действия, строить *идеальный* образ предстоящих действий, их схему, как бы проигрывая ее “субъективно” до действия» [3, с. 95—96].

Кажется, что движение руки само по себе не может нести в себе субъективно-психический образ, ибо рука — лишь орган. Од-

нако четырех с половиной лет малыш сказал, что сознание у него в руках, а психология вполне обосновано работает с понятием «ручного мышления». Мышление, сознание, внимание всегда сдвигается в рабочий орган, в орган, активно удерживающий образ того, с чем имеет дело. Рука не только практически преобразует реальный предмет, но создает тут, в преобразовании предмета, его образ; руки раньше «души» знают предмет. Что узнают руки — тут же «узнает» мозг. Руки ничего специально для «знания» души не делают. Это делает школа, вынуждая детей повторять и доводить до навыка то, что руки уже проделали; если движение рук было смыслом целевого движения тела индивида — повторять глупо; если руки действовали бессмысленно — повторять надо много раз, пока в сознание неким путем не войдет смысл; это обычная безумная педагогическая практика школы. Навык — отчуждаемая и отчужденная форма умертвленного ума, уму тут делать уже нечего.

Сознание, субъективность индивида в каждый момент осуществляет рефлекссию всего своего деятельностного процесса — как в целом, так и каждой функции в отдельности. Это как раз и есть сознательная, сознающая, деятельность, в которой любая часть подчиняется целому. Цель как закон подчиняет себе весь процесс деятельности, — говорит Маркс, видоизменяя мысль Аристотеля о целевой причине. Дело определяется смыслом бытия человека. Субъективный образ действительности принадлежит человеку, и он, образ, формируется его, человека, деятельностью, исторической деятельностью преобразования материала объективной действительности, включая действительность самого человека.

В этой активной преобразующей деятельности надо искать и видеть единое основание функционирования всех органов человеческого тела, и потому же индивид лишь в родовых определениях находит свои действительные определения. Тождество

личностного и общественного бытия позитивистской науке неведомо: попав в бесконечное дурное различие, такая наука и громоздит «монблан» фактов.

От природы (в результате антропосоциогенеза) человеческому телу уже ничего не дано, кроме уникальной свободы от какого бы то ни было заранее «встроенного» в морфологию тела способа функционирования. Это и составляет морфологическое преимущество человеческого тела, благодаря которому все его органы внешнего действия и могут быть развиты в органы человеческой деятельности. Ручонки младенца превращаются в человеческие *руки, осваивающие культурно-исторический ум* человечества, опредмеченный в предметах культуры. Орган зрения как физиологический орган превращается в человеческий глаз, физиологический орган восприятия звуков — в человеческое ухо. То же самое можно сказать и об артикуляционном аппарате. От природы органы чувств и органы внешнего действия еще не являются органами человеческой личности, поскольку личности еще нет. Глаза животного и человеческие глаза совершенно разные вещи, и если ребенка не научить видеть, воспринимать мир по-человечески, то сам по себе, без помощи других людей, он этому не научится. Человеческими же их можно сделать только «в процессе их человеческого, социально-исторически запрограммированного способа употребления» [4, с. 397]. И лишь «по мере того как органы тела индивида превращаются в органы человеческой жизнедеятельности, возникает и сама личность, как индивидуальная совокупность человечески-функциональных органов» [3, с. 397].

За деятельностью глаза, конечно, лежит нечто, организующее его деятельность. Но это не мозг сам по себе. Глаз — орган зрительного оформления образа, исходно возникающего в предметно-преобразовательной деятельности. Именно эта деятельность с предметом организует работу глаза в той мере, в какой глазу присущи свои специфиче-

ские действия, не согласующиеся с особенностями предмета, в той же мере глаз «ошибается». Поэтому его оптика и физиология должны быть максимально пластичными, чтобы выразить предмет зрительного восприятия.

Но «за глазом» лежит не только предмет: за ним стоит *реальный субъект деятельности*, задачи которого глаз и разрешает. Это отчетливо показала современная психология. Субъект (человек, личность) подчиняет себе и организует деятельность всех своих телесных органов в рамках выполнения ими своих функций в контексте деятельности человека. Если деятельность какого-либо органа выходит за рамки «смысловой» работы организма, — это болезнь. Такой орган, если по природе организма это возможно, либо ампутуют, либо восстанавливают (лечат) его функцию. Мотивы, социально-культурные нормы бытия — вот та реальность, которая бессознательно (т. е. вне осознания индивидом) управляет деятельностью глаза и тем самым заставляет его видеть даже то, чего на самом деле нет. Но, с другой стороны, именно эта культурно-историческая реальность и позволяет глазу увидеть в действительности такое содержание, которого никакая физиология и оптика обнаружить не может.

Поэтому видеть то, какова действительность сама по себе, — процесс весьма сложный, и он никак не сводится к прямому отношению психической функции и нейромозговой деятельности. Мало сказать, что этот процесс сложен и исследование должно эту «сложенность» разложить, изучить каждый элемент в его абстрактной определенности и показать их необходимые взаимосвязи, по линиям которых они синтезированы в нечто целостное. Этого, повторю, мало, ибо задача заключается в выявлении *природы этой целостности*, которая не вычитывается из сколь угодно строгого и полного описания элементов и их взаимосвязей. Той целостности, которая и несет в себе *абсолютный момент, субстанцию*, определяющую

свое бытие во всех своих проявлениях, и которая уже не нуждается в своем объяснении из внешних причин. Этот момент методологии существует в понимании психических функций вообще, синтетическое единство которых и мыслится как душа. Потому становление души и должно быть описано в логике становления деятельности, т. е. необходимого последовательного синтеза культурно-предметных определений в активных формах индивида.

Было бы просто, если бы действительность сводилась к натуральному содержанию вещей, как это представляется позитивизму. Но вещи имеют совершенно иной смысл в составе культурно-исторической действительности: они обладают, если можно так выразиться, социальной «текстурой», которая глазу невидима, но которая воспринимается всем составом человеческой субъективности. Движение этой субъективности не сводится к какой-либо отдельной функции какого-либо органа и не является простой их суммой. Здесь господствует Я, но эту загадочность я пока оставляю за рамками текста.

Человеческая предметная действительность есть выражение культурно-исторических общественно выработанных субъективных сил человека. Поэтому определение чувственного восприятия этой предметностью и есть определение его культурно-исторической действительностью, определение внутренними силами исторического человека, ставшими способностями каждого конкретного индивида. Человеческие чувства в культурно-историческом процессе становятся «человеческими» как в субъективном, так и в объективном смысле. Глаз стал *человеческим* глазом точно так же, как его *объект* стал общественным, *человеческим* объектом, созданным человеком для человека. <...> Ясно, что *человеческий* глаз воспринимает и наслаждается иначе, чем грубый нечеловеческий глаз, человеческое ухо — иначе, чем грубое, неразвитое ухо, и т. д. <...> *Чувства* общественного человека суть *иные* чувства, чем

чувства необщественного человека. <...> Не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), — одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств, возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. *Образование* пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории» [5, с. 120—123].

«Проблема возникновения психики, — пишет Э. В. Ильенков, как бы завершая нашу тему, — совпадает с проблемой онтогенеза соответствующих зон мозга, а не противопоставляется ей. Но орган тут создается функцией, а не наоборот, не функция органом, его априорным по отношению к ней “устройством”. <...> В состав “органов психики” входят поэтому (становятся внутренним условием ее функционирования) только те нервные механизмы, которые представляют собою не только УСЛОВИЕ, но и СЛЕДСТВИЕ “психической” деятельности, — деятельности организма во внешнем пространстве, деятельности с внешними предметами, отличными от самого тела организма, и вне его (и независимо от него) находящимися» [3, с. 94—95].

Список литературы и источников

1. Агапов В. С., Секач М. Ф., Плаксий К. В. Плюсы и минусы клипового мышления // IV Декартовские чтения «Рационализм и универсалии культуры»: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—17 нояб. 2017, Москва, Зеленоград): ч. 2 / под общ. ред. А. И. Пирогова, Т. В. Растишевиной. М.: МИЭТ, 2017. С. 123—140.
2. Демидов В. Как мы видим то, что видим. М.: Знание, 1987. 207 с.
3. Ильенков Э. В. Психология // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 92—100.
4. Ильенков Э. В. Так что же такое личность? // Философия и культура: [сб.] / Э. В. Ильенков; [вступ. ст. А. Г. Новохатько]. М.: Политиздат, 1991. С. 397—404.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Собрание сочинений:

[в 50 т. Перевод] / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Прогресс. Т. 42. январь 1844 — февраль 1848. М.: Прогресс, 1974. 460 с.

6. **Николай Кузанский**. Сочинения: в 2 т. / ред. М. Б. Митин и др.; пер. З. А. Тажуризиной и др. М.: Мысль, 1979—1980. Т. 1. 1979. 486, [2] с.

Aviation Institute (National Research University) (Russia, 125993, Moscow, Volokolamsk highway, 4).

Статья поступила в редакцию 22.08.2022.

The article was submitted 22.08.2022.

References

1. Agarov V. S., Sekach M. F., Plaksiy K. V. Benefits and considerations of mosaic thinking. *IV Dekartovskiy chteniya "Ratsionalizm i universalii kul'tury" = 4th Readings from Descartes "Rationalism and Culture Universals"*, proceedings of international research and practice conference (16—17 Nov. 2017, Moscow, Zelenograd), gen. eds. A. I. Pirogov, T. V. Rastimeshina. Part 2, Moscow, MIET, 2017, pp. 123—140. (In Russian).

2. Demidov V. *How Do We See What We See*. Moscow, Znanie Publ., 1987. 207 p. (In Russian).

3. Ilienkov E. V. Psychology. *Voprosy filosofii*, 2009, no. 6, pp. 92—100. (In Russian).

4. Il'enkov E. V. So, what is personality? *Filosofiya i kul'tura*, [collection], by E. V. Il'enkov, A. G. Novokhat'ko (open. lett. auth). Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 397—404. (In Russian).

5. Marx K. *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844*, transl. and ed. M. Milligan. Mineola, NY, Dover Publ., Courier Corp., 2012. 208 p.

6. Nicholas of Cusa, Mitin M. B. et al. (eds.), Tazhurizina Z. A. et al. [transl.]. *Works*, in 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1979—1980. Vol. 1, 1979. 488 p. (In Russian).

Информация об авторе

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных коммуникаций, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (Россия, 125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4).

Information about the author

Gennady V. Lobastov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Moscow